

Дорога Муром – Арзамас – Лукоянов глазами Карла Гебеля в 1834 году

Представляю Вашему вниманию фрагмент из дорожных заметок Карла Христиана Траугота Фридемана Гёбеля, химика, фармаколога, ботаника; члена-корреспондента Петербургской академии наук. Он сделал их на пути из Дерпта (Тарту) на юг России в 1834 году в рамках комплексной экспедиции по изучению южнорусских степей. Его спутниками были доктор Карл-Эрнст Клаус и Александр Бергманн.

В 1835 году вышла статья на русском языке об этой экспедиции, вызвавшая большой научный и общественный интерес. В ней дано прекрасное краткое описание начала их пути. Приведу его для контекста (заимствовано отсюда: <https://rus-turk.livejournal.com/365816.html>):

Легкие морозы в декабре месяце 1833 года и в первой половине января 1834, которые, по-видимому, предвещали скорое наступление весны, также разные приготовления, которые надлежало мне сделать в Петербурге, Москве и Саратове, побудили меня оставить Дерпт еще в январе, чтобы прибыть к границам степей, в Саратов, еще пред началом весны.

Будучи снабжен полным физико-химическим дорожным снаряжением и получив от его превосходительства г. министра внутренних дел, Д. Н. Блудова, рекомендательные письма к гг. военным и гражданским губернаторам тех губерний, которые должно мне было посетить, отправился я из Дерпта 21 января 1834 года, после обеда в 2 часа, в сопровождении вышеупомянутых двух спутников моих и одного слуги.

По окончании в Петербурге и в Москве приготовлений относительно к моему путешествию, продолжал я, 13 февраля, путь мой далее, из Москвы в Саратов. Намерение ехать через Тулу не исполнилось, по причине наступившей оттепели, которая заставила меня отправиться на Владимир, Арзамас, Муром и Пензу; 26 февраля прибыл я в Саратов после затруднительного путешествия. К удовольствию моему, нашел я все свои физико-химические снаряды, при вскрытии оных, совершенно неповрежденными, хотя очень опасался за них, ибо тяжело нагруженную кибитку, в продолжение длинного, в 1800 верст, дурного, неровного пути, не только очень много качало и трясло, но даже многократно опрокидывало с немалою опасностью для путешествовавших.

Как видно выше, ученый мог не посетить Муром и Арзамас, поскольку участники экспедиции изначально планировали добираться через Тулу. Именно благодаря внезапной оттепели появился тот замечательный текст, который я привожу ниже.

Статья не дает никаких дополнительных сведений, однако существует и очень подробное описание экспедиции, опубликованное в 1837-1838 гг. в двух частях в Дерпте (Тарту) на немецком языке. Оно называется «Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Fr. Göebel» («Путешествие в степи юга России, предпринятое доктором Фр. Гёбельсом»). Именно в нем содержатся детали длинного путешествия. В ночь с 15 на 16 февраля 1834 члены экспедиции добрались до Мурома, и отсюда направились через Муромский лес в Арзамас, где провели ночь с 16 на 17 февраля. Далее их путь лежал на юг вдоль Теши через Шатки и Лукоянов. Я выбрал фрагмент, в котором описан путь от Мурома до Лукоянова и осуществил его перевод. Сразу отмечу, поскольку я не знаю немецкий язык, сделанный ниже перевод может быть несовершенным. Сноска в изначальном тексте нет – это все мои примечания.

Источник: Reise in die Steppen des südlichen Russlands: unternommen von Dr. Fr. Goebel / Karl Christian Traugott Friedemann Göbel, часть 1, Дерпт, 1837, с. 11-14.

Евгений Парадеев

www.PARADEEV.com

Недалеко от станции мы спустились с холма на замерзшую Оку, известную судоходную реку, и двигались по ней вдоль большей части города, расположенной на высоком берегу, однако в темноте ночи мало что увидели. Проехав около 15 верст по Оке, мы добрались до некогда пользовавшегося дурной славой большого Муромского леса, простирающегося далеко в Нижегородскую губернию по большой дороге в Сибирь. Путь по Оке хоть и лучше предыдущего, но все-таки не особенно, и полон ухабов; значительно лучшим он показался нам в лесу. По этому лесу проехали почти до третьей станции¹ и миновали несколько крупных деревень. От Мурома до третьей станции мы преодолели 66 верст за семь часов, и в славное утро, при прекрасном солнечном свете, около 8 часов (16 февраля) достигли станции Теплово, одной из самых красивых станций на пути из Москвы в Саратов. До следующей станции² мы добрались только к часу дня. Каким бы дружелюбным не было небо в то утро, в течение дня оно снова потемнело. Штормовой ветер гнал целые массы снега клубами, подобными облакам, взрыхлял снежные поля и создавал небезопасные пригорки и ямы, так что только тот, кто знал дорогу и местность (чем зарекомендовал себя наш ямщик³) мог сохранить нас в безопасности, довезти до следующей станции.

Чем дальше мы удалялись от леса, тем более ровной становилась земля, мы проехали несколько заболоченных участков, которые тогда были замерзшими, но над ними пролегли длинные мосты, и сначала нам встретилась Теша, небольшая река, которую позже мы увидим вновь, она не была покрыта льдом и текла быстро вдоль местами высоких берегов, чтобы соединиться с водами Оки и, наконец, впасть в величественную Волгу. Температура в целом умеренная, столбик термометра 0 ° R⁴.

Лошадей быстро заменили, чтобы добраться до города Арзамаса, где я намеревался переночевать, так как станции за Арзамасом были не самыми лучшими, а шторм и метель усиливались с каждым часом. Вся природа будто взбесилась, нас бросало из одной ямы в другую, и лошади сбоку падали попеременно в кучи снега, то ямщик, то мой слуга едва не слетали с кибитки, которую бросало из стороны в сторону, но и внутри наш путь не был устлан розами из-за сильной тряски, но все же страдания могли быть и хуже, ведь буря бушевала позади нас, и мы столкнулись только с ее отголосками, воздействие которых было не таким значительным. Вся территория от Муромского леса до Арзамаса представляет собой пересеченную пологими холмами равнину, только за Арзамасом местность становится более гористой. Земли в основном были заняты пашнями, что можно было понять по остаткам стеблей злаков и по отдельным участкам, не покрытым снегом. Дорога была засажена молодыми березками и вела через большие растянутые вдоль пути деревни, на переднем плане которых обычно было много ветряных мельниц, часто по 12-25, стоящих группами поблизости друг от друга. Дома по конструкции и состоянию заметно отличаются от домов Московской губернии, от приятного внешнего вида которых и чистоты осталось приятное впечатление⁵. В 8 часов вечера мы прибыли в городок Арзамас⁶. Он расположен на правом, в этом месте очень высоком берегу упомянутой выше Тешы, длинный мост через которую ведет в город. Величественны зеленые купола церквей и колокольни⁷ города, который насчитывает 6700 жителей и 17-

¹ Первая станция от Мурома – Саваслейка (23.5 версты), вторая – Кулебяки (39.5 верст), третья – Теплово (66.5 верст) – см., например, «Карманный почтовый путеводитель, или Описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского» 1831 года

² Следующая станция – село Голяткино Ардатовского района (23 версты от Теплово), т.е. средняя скорость передвижения очень значительно замедлилась, с 9.5 до 4.5 верст в час

³ В оригинале Jemtschick

⁴ Использован здесь и далее градус Реомюра, 0 градусов Реомюра – это около -14.3 градусов Цельсия

⁵ Здесь я до конца не разобрался – то ли от домов в Московской губернии остается приятное впечатление, то ли от домов в Арзамасском уезде, но оставил перевод в пользу Московской губернии

⁶ До Арзамаса от Голяткино было еще 33 версты, т.е. средняя скорость оставалась на уровне 4.5 верст в час. Городком он назван в этом месте в оригинальном тексте – Städtchen, в других местах назван городом (Stadt)

⁷ Здесь автор использует слово thürme, т.е. «башни», но я предполагаю, что речь идет о колокольнях

19 церквей. Одну из церквей⁸, действительно, можно назвать красивой, она расположена на самой высокой точке берега реки, так что с ее портика открывается великолепный вид на большую часть города и плодородную равнину, занятую множеством селений. В одном из этих сел⁹ недалеко от города, принадлежащем графу Салтыкову, есть 2 симпатичные церкви и более 1700 душ¹⁰. Произвели странное впечатление расположенные здесь многочисленные ветряные мельницы, по крайней мере, их было около пятидесяти, в основном шестилопастных, находятся друг подле друга недалеко от города. Внутри Арзамас менее красив, потому что рядом с отдельными каменными зданиями все еще можно найти множество деревянных, мрачных, старых домов. Две маленькие комнаты, которые были отведены мне и моим спутникам в большом новом каменном трактире, не свидетельствовали о развитом чувстве прекрасного у хозяина, хотя стены и были увешаны многими (но неэстетичными) масляными картинами местной школы художников¹¹. Множество крысиных нор, грязные половицы и двери без замков, которые нам приходилось фиксировать веревкой, чтобы они не оставались открытыми, все это свидетельствовало о беспечности хозяина. Несмотря на это, мы чувствовали себя очень комфортно в теплой комнате, сняли дорожную одежду и подкрепились теплым супом и подогретой телятиной. На следующее утро, 17 февраля, около 11 часов утра мы снова сели в кибитку. На небольшом расстоянии от города дорога пролегла через замерзшее болото, которое в теплое время года переходят по мосту длиной около версты. Местность становилась все более привлекательной, ее украшали возвышенности и долины, леса и реки. С южной стороны горы¹² почти не были заснежены, воздух был мягким, 4° R¹³, и на дорогах снега было немного. Слева от нас на востоке вдоль реки Теши протянулась лесистая горная гряда, образующая правый берег этой реки, которая своей сменой высот и ущелий, а также отдельными обнажениями породы производит на зрителя чрезвычайно приятное впечатление. Когда мой слуга посмотрел на нас в изумлении от наших радостных высказываний, я спросил его, не нравится ли ему тоже эта местность, он очень наивно ответил: «Нет, потому что мне это кажется картиной, в которой там, где стоит зритель, нет ничего, и все лежит перед ним с другой стороны». Действительно, путь также пролегал через жнивье¹⁴, равнину, которая во многих местах уже была полностью очищена от снега, а на заднем плане, как на картине, появлялись упомянутые объекты¹⁵. На первой станции, Шатки, в 28 ½ верстах от Арзамаса, мы поменяли лошадей и прибыли в городок Лукоянов¹⁶ около половины восьмого вечера.

Оригинал текста:

Wir fuhren ohnweit der Station eine Anhöhe hinab auf die zugefrorne Okka, den bekannten schiffbaren Strom, und auf dieser neben einem grossen Theile der auf dem hohen Ufer gelegenen Stadt vorbei, von der wir jedoch, wegen Dunkelheit der Nacht, nur wenig wahrnehmen konnten. Nach einem Wege von ungefähr 15 Werst auf der Okka, erreichten wir den ehemals berüchtigten grossen Wald von Murom, der sich weit in das Gouvernement von Nischni-Nowogorod an der grossen Strasse nach Sibirien hin erstreckt. Der Weg auf der Okka, obgleich besser als der vorhergehende, war doch nicht besonders, sondern sehr grubig; desto

⁸ Безусловно, речь идет о Воскресенском соборе, но автор использует слово kirche – «церковь»

⁹ Здесь используется слово dorf – «деревня, село»

¹⁰ Это определено село Выездное, принадлежавшее Салтыковым на протяжении почти двух веков. В оригинале граф упомянут так: Graf Soltikow

¹¹ Имеется в виду Арзамасская школа живописи, основанная А. В. Ступиным.

¹² В оригинале именно Berge, то есть «горы»

¹³ Т.е. около -6.7 градусов Цельсия

¹⁴ В оригинале Stoppelfeld, жнивье – это поле, где сжат хлеб.

¹⁵ Учитывая, что маршрут дороги из Арзамаса в Шатки не претерпел значительных изменений, эти же ощущения возникают и сегодня, когда едешь по равнине, а на востоке, словно на картине, открываются покрытые лесом холмы.

¹⁶ Здесь используется слово Städtchen – «городок»

besser aber fanden wir ihn im Walde. Beinahe drei Stationen fährt man in diesem Walde und gelangt durch mehrere beträchtliche Dörfer. Von Murom bis zur dritten Station legten wir den 66 Werst betragenden Weg in 7 Stunden zurück, und langten an einem herrlichen Morgen, bei schönem Sonnenschein, gegen 8 Uhr (den 16. Febr.) auf der Postirung Tioplowo, einer der schönsten Stationen auf dem Wege von Moskau nach Saratow, an. Die nächste Station erreichten wir erst Mittags gegen 1 Uhr. So freundlich sich uns am Morgen der Himmel gezeigt hatte, so sehr verfinsterte er sich wieder im Verlauf des Tages. Ein Sturmwind jagte ganze Massen Schnee in wolkenähnliche Wirbel zusammen, wühlte die Schneefelder auf und schuf unsichere Anhöhen und Vertiefungen, so dass es in der That nur einem des Weges und der Gegend ganz Kundigen, wie sich unser Jemtschick bewiess, gelingen konnte, uns wohlbehalten zur nächsten Station zu bringen.

Je mehr wir uns vom Walde entfernten, um so flacher trat das Land hervor, wir durchfuhren mehrere morastige Gegenden, die jetzt festgefroren waren, über welche aber hin und wieder lange Brücken führten und begrüssten hier zuerst die Tiostscha, ein kleines Flüsschen, dem wir später wieder begegneten und welches eilig, ohne Eisdecke, in seinen an einzelnen Stellen nicht unbedeutend hohen Ufern dahin rauschte, um sich mit dem Wasser der Okka zu verbinden und endlich der majestätischen Wolga zuzufliessen. Die Temperatur war im ganzen mild, das Thermometer stand auf 0° R.

Rasch wurden die Pferde gewechselt, um die Stadt Arsamas zu erreichen, wo ich zu nächtigen beabsichtigte, da die Stationen hinter Arsamas nicht die vorzüglichsten seyn sollten, und Sturm und Schneegestöber mit jeder Stunde zunahmen. Die ganze Natur schien in Aufruhr zu seyn, aus einer Grube wurden wir in die andere geworfen, und wechselsweise stürzten die Seitenpferde in Schneemassen, bald flog der Jemtschick, bald mein Diener von der umhergeschleuderten Kibitke herab, während wir im Innern derselben zwar auch nicht auf Rosen gebettet, sondern tüchtig durchrüttelt wurden, aber dennoch weniger zu leiden hatten, da uns das Unwetter hinterdrein kam, und wir somit nur das Heulen des Sturmes vernahmen, aber weniger dessen Wirkungen zu ertragen hatten. Der ganze Landstrich vom Muromschen Walde an bis Arsamas bildet eine von sanften Anhöhen durchschnittene Ebene, die erst hinter Arsamas gebirgiger wird. Sie war mit Getreidefeldern bedeckt gewesen, wie sich an den Stoppeln und an einzelnen von Schnee entblösten Stellen wahrnehmen liess. Die Strassen waren mit jungen Birken bepflanzt und führten durch ausgedehnte grosse Dörfer, in deren Vordergrunde gewöhnlich viele Windmühlen, oft 12 – 25 Stück, in einem Trupp beisammen standen. Die Häuser stechen jedoch in Bauart und Haltung bedeutend von denen des Moskauschen Gouvernements ab, welche durch ihr angenehmes Aeussere und ihre Reinlichkeit einen freundlichen Eindruck hinterlassen hatten. Abends 8 Uhr erreichten wir das Städtchen Arsamas. Es liegt auf dem rechten, hier sehr hohem Ufer der oben erwähnten Tiostscha, über welche man auf einer langen Brücke zur Stadt gelangt. Majestätisch präsentiren sich die mit grünen Kuppeln versehenen Kirchen und Thürme der Stadt, welche gegen 6,700 Einwohner und 17 bis 19 Kirchen zählt. Eine der Kirchen ist in der That schön zu nennen; sie liegt auf dem höchsten Punkte des Flussufers, so dass man von ihrem Portale aus sich der herrlichsten Aussicht über den grössten Theil der Stadt und die fruchtbare, mit vielen Dörfern besetzte, Ebene erfreut. Eins dieser Dörfer, ohnweit der Stadt gelegen, dem Graf Soltikow gehörend, hat 2 hübsche Kirchen und über 1,700 Seelen. Auch hier machte wieder eine Menge Windmühlen einen sonderbaren Eindruck, wenigstens einige Funzig, meist mit sechs Flügeln versehen, findet man ohnweit der Stadt beisammen. Im Innern ist Arsamas weniger hübsch, denn neben einzelnen steinernen Gebäuden findet man noch viele hölzerne, unfreundliche, alte Häuser. Auch die beiden kleinen Zimmerchen, welche mir und meinen Begleitern in dem grossen, neuen, steinernen Gasthofe angewiesen worden waren, zeigten gerade nicht vom Schönheitssinne des Wirthes, obgleich die Wände derselben mit vielen, nur nicht ästhetischen, Oelgemälden der dasigen Malerschule behängt waren. Eine Menge Rattenlöcher, schmutzige Dielen und Thüren ohne Schlösser, so dass wir dieselben mit Bindfaden befestigen mussten, wenn sie nicht offen bleiben sollten, waren sprechende Beweise von der Sorglosigkeit des Wirthes. Dessen ohngeachtet fühlten wir uns ganz behaglich im warmen Raume, entledigten uns unserer Reisekleider, und erstärkten uns an

einer warmen Suppe und einem aufgewärmten Kälberbraten. Am nächsten Vormittage, den 17. Februar, gegen 11 Uhr sassen wir erst wieder in unserer Kibitke. Der Weg führte in geringer Entfernung von der Stadt über einen jetzt hart gefrorenen Sumpf, welchen man in wärmerer Jahreszeit mittelst einer gegen eine Werst langen Brücke passirt. Die Gegend wurde immer anziehender, Anhöhen und Thäler, Wälder und Flüsschen schmückten dieselbe. Auf der Südseite waren die Berge meist schon von Schnee entblösst, die Luft war mild, 4° R. und auf den Strassen fanden wir nur noch wenig Schnee. Uns zur Linken, nach Osten, zog sich an der Tiostscha eine bewaldete Bergkette hin, das rechte Ufer dieses Flüsschens bildend, die durch den Wechsel ihrer Höhen und Schluchten, so wie durch einzelne nackte Felsen einen äusserst angenehmen Eindruck auf den Beschauer macht. Als mein Diener über die Aeusserung unserer Freude uns verwundert anblickte, und ich ihn fragte, ob ihm denn diese Gegend nicht auch gefalle, äusserte derselbe sehr naiv: „Nein, denn sie kömmt mir vor wie ein Bild, bei welchem da, wo der Beschauer steht, nichts, dagegen vor ihm alles liegt.“ In der That führte der Weg auch durch ein Stoppelfeld, eine Ebene, die an vielen Stellen schon ganz von Schnee entblösst war, während im Hintergrunde, einem Bilde ähnlich, sich erwähnte Gegenstände zeigten. Auf der ersten 28½ W. von Arsamas entfernten Station Schatky wechselten wir die Pferde und langten gegen halb 7 Uhr Abends in dem Städtchen Lukojanow an.